

*Моей бабушке,
Лазаревой Марии Викторовне*

Краски смешиваются, превращаются в вино,
и оно пенится на моих холстах.

Марк Шагал «Моя жизнь»

Я совершенно нормален. А ненормален тот, кто не понимает моей живописи, тот, кто не любит Веласкеса, тот, кому неинтересно, который час на моих растекшихся циферблатах — они ведь показывают точное время.

Сальвадор Дали

ОН

— Девушка, вы знаете, что у вас нежнейший профиль? — Чё? — Девушка повернулась анфас, и он вздохнул. Хорош был только профиль. И то скорее игривый Фрагонар, чем то, что ему требовалось сейчас для работы. Хотя...

— Очень чистая линия, — сказал он, глядя в простодушные глаза, обведенные перламутровой голубой подводкой. — Нежная кожа — зря вы пользуетесь румянами, в вашем возрасте это лишнее.

Девушка от удивления разлепила липкий от клубничного блеска ротик бантиком. Он усмехнулся. Нормальная речь кажется этим детям предместий чем-то вроде марсианского языка. Он чуть отклонился на поручне троллейбуса, чтобы лучше рассмотреть ее всю: от коротковатых ножек и низко посаженной попки до плосковатого бюста, втиснутого в дешевое подобие Вандербры. Кого она хочет обмануть?

— Вы пристаёте ко мне, да? — спросила девушка высокомерно, но в голосе читалась надежда. Мужчина выглядел весьма импозантно. «Ухоженный», — подумала она, скосив глаза

на сдержанного цвета галстук и ворот явно приличного костюма, виднеющийся из-под плаща.

— Нет, — улыбнулся мужчина. — Я художник, если хотите, чистой воды эстет. Мне понравился ваш профиль. — Он перевел взгляд на ее руки. Девушка с явной гордостью пошевелила акриловыми ногтями. Он внутренне содрогнулся: эти нарощенные ногти с мелким рисунком в виде цветочков на каждом казались ему верхом вульгарности и антисанитарии. Но сами ручки были неплохи — если скovyрнуть с них это уродство. Достаточно пропорциональны, в милых ямочках. Вполне в его стилистике.

— Вы бы хотели, чтобы я вас нарисовал? — спросил он, уже зная ответ.

— Бесплатно? — Она слизнула с губ клубничный жирноватый глянец.

— Именно.

— А раздеваться придется?

Он усмехнулся — какое деловитое создание. Впрочем, чего ожидать при такой жизни?

— А ты бы хотела? — ответил он вопросом на вопрос. Ему было наплевать на ее желания. Но стало любопытно.

Девица огляделась по сторонам, чтобы быть уверенной, что остальные пассажиры не слышат их беседу: народу в этот послеобеденный час было маловато. И, легонько порозовев, кивнула:

— Ну, если надо, то чего? Я могу.

— А что скажут родители?

— А, — махнула она рукой, — родители во Владимире.

Я тут сама квартиру снимаю. — Она гордо повела плечом. — В Южном Тушине. Правда, без линолеума и без душа. Но это ничего — вода-то горячая есть, верно?

— Верно, — кивнул он. У него в квартире было три ваннные комнаты: одна для гостей (редких, но на всякий случай — он унаследовал от отца известную брезгливость), потом — душевая в пять метров и еще одна — с панорамным окном и большой ванной — никаких булькающих джакузи, — элементарной, как разрезанное вдоль крутое яйцо.

— Я тут работу нашла приличную, — не могла остановиться девица, а он отодвигался то влево, то вправо, чтобы понять — похожа ли? — Продавцом в бутике. С процентами. — Она улыбнулась чуть смущенно, и вдруг стало понятно, сходство, несомненно, есть. — Ну, и родители, конечно, помогают.

— Молодец, — сказал он невпопад, вынул из кармана мобильник. Бросил взгляд вниз, на ее ноги. Вот черт! Дешевые, изъеденные солью сапоги были прямо-таки гренадерской стати. Что за издевка природы! Какой у нее там размер? Сороковой?

— Это мамины, — прошептала девица, залившись краской. — У нас-то в районе зачем приличной обувью грязь месить? А я с собой на работу туфли ношу. — И она с готовностью приоткрыла вместительную сумку из кожзама.

Он облегченно выдохнул:

— Говори телефон.

Девушка продиктовала номер и даже заглянула к нему на экран мобильного, чтобы увериться, что он все записал правильно.

— Я позвоню, — сказал он на прощание.

— Давай! — Она проводила его взглядом и крикнула, когда он уже сходил с последней ступеньки: — Не забудь только!

АНДРЕЙ

Он стоял перед ее кроватью и смотрел, как Маша дышит во сне: легко, почти незаметно. Руки с коротко подстриженными ногтями, спрятаны под подушку. Тонкие голубоватые веки чуть подрагивают: что ей снится? Темный подвал в Подмоскowie? Сгоревший в костре друг детства? Андрей с силой потер лицо, взъерошил волосы на затылке: и как ему с ней быть? Как вывести из того тупика, куда она сама себя загнала? Бедная умная девочка. Слишком умная девочка.

Маша находилась в больнице с тех пор, как они поймали маньяка. Машиного маньяка. Маша искала его с двенадцати лет, всю жизнь и все полученные знания сосредоточив в этом поиске. Сначала она искала убийцу своего отца. А потом — убийцу самых близких друзей и отчима. И только под конец поняла, что эти двое убийц на самом деле — один и тот же человек. Родной человек: родной и для Маши, и для ее матери¹. И вот уже прошли три недели, а Андрей не видел улучшений. И это его не на шутку пугало. Может такое быть, что в Маше что-то перегорело, сломалось? И сломалось навсегда?

¹ Читайте об этом в романе Дезомбре Д. «Призрак Небесного Иерусалима», издательство «Эксмо».

Андрей сглотнул и поправил одеяло — с ним все было в порядке, но хотелось сделать хоть что-нибудь плюс к тем дурацким фруктам на столе, которые она не ела, книжкам, которые не читала, фильмам (только комедии!), которые не смотрела.

— С ней все будет хорошо. — В дверях стояла подруга Наталья, Машиной матери, державшая в своей клинике обеих. В семье их и осталось-то теперь только двое. — Скоро отпустим домой.

— Дома и стены лечат, — болезненно улыбнулся Андрей.

— Не уверена, — задумалась на минуту подруга, не улыбнувшись в ответ. — Но попробовать стоит. Конечно, я посажу их на терапию. Наталья должна возвратиться к работе — это ее и в первый раз, с Федором, спасло.

— А Маша? — спросил Андрей, задержав дыхание.

— Маша побудет дома, займется хозяйством, будет готовить матери ужин. Вам, если повезет, — завтрак. — Она лукаво улыбнулась. — Все будет хорошо, Андрюша, — повторила она опять, будто его гипнотизировала.

Андрей кивнул, мотнув головой, как больная лошадь. Жалко усмехнулся. Пошел по коридору и почувствовал, что она смотрит ему вслед.

«Маша не умеет готовить, — сказал он про себя. — Терпеть не может этого». Маша, он был уверен, боится возвращаться домой, где хозяйничал маньяк. Их страшноватый Ухти-Тухти.

— Он мертв, — уже в сотый раз, будто уговаривая себя, произнес вслух Андрей.

Лучший Ухти-Тухти — мертвый Ухти-Тухти.

Так же без слов они поднялись в квартиру, Маша скинула на руки Андрею плащ, сбросила туфли и сразу прошла в комнату, чтобы лечь, уткнувшись взглядом в туркменский ковер. Багровые тона, геометрический рисунок из пламенеющего красного, черного и голубого.

— До свидания, — тихо сказал Андрей.

— Прощайте, — отрубилась мать.

Тихо капала вода из крана в ванной: кап-кап-кап. Билась в кухне о стекло осенняя жирная муха. Мать сняла туфли, прошла на кухню, шаркая ногами. «Совсем не ее походка!» — успела подумать Маша и тут же отбросила мысль, болью отозвавшуюся в сердце. Снова обострила слух: вот чирикает на улице неизвестная птица, в арку въехала машина...

Маша вообще в последнее время стала отлично слышать. Отлично — но избирательно. Только вот такие орнаментальные звуки, не приводящие к мыслям, как музыка без мелодии.

Она — девочка, с детства задезованная на интеллекте, впервые в жизни боялась думать. Любая мысль через цепочку на счет раз-два приводила к черному выжженному кругу в сердце, прямо по центру. Любой предмет мог быть связан с воспоминанием. Любой отрывок песни. Картинка в журнале. Фотография. Чтобы не вспоминать, она предпочитала слышать только простейшие звуки, как те капли или жужжание мухи. Или замечать простейшие цвета: вроде этого красного и голубого на ковре. Ни в коем случае не смешивать! Вот, к примеру — багровый... Багровый был опасен, он таил ассоциации. Но хуже всего — была фотография погибшего отца,

висевшая напротив. Глаза на портрете, смотревшие, Маша знала, прямо на нее.

— Не сейчас, папа, — прошептала она, сомкнув веки. — Подожди.

ОН

Шум моря. Вот что он помнил из своего детства. Не тот, который сопровождает купание с ватагой сверстников где-нибудь в Крыму, или звучит, когда дрожащими от холода пальцами (Прикройся от ветра! Ну сколько можно тебя звать из воды? Заболеть хочешь?!) прямо на пляже чистишь яйцо вкрутую, или откусываешь — сладострастно — от южной роскошной помидорины, высасывая сок и жмуря глаза от счастья и от солнца.

Нет, неумолимая, как «Болеро» Равеля, ЭТА волна набухала где-то в глубине мозга, росла, заслоняя собой все остальные звуки, и разбивалась с грохотом, там, где белел чистый крутой детский лоб. А мысль, соприкоснувшись с реальным миром, пряталась за этот мощный древний рокот.

В реальном же мире мачеха трясла перед ним своим платьем: натуральный крепдешин, белое в золотых цветах, широкая юбка, узкий корсаж.

— Ах ты, дрянь! Леня, ты только посмотри, что наделал твой сын! Все мои платья...

Такие никогда не выходят из моды — так сказала однажды ее портниха, он подслушивал за дверью. Мачеха стояла на стуле, а портниха на коленях подкалывала булавками подол. Как

раз-таки это, вечномодное, платье он разрезал на длинные красивые ленты. Если повесить его на балконе и подождать ветра, может получиться совершенно прекрасная картина: золото на голубом.

Еще он разрезал красное, короткое. И серое. И зеленое. Зеленое она особенно любила: идеально подходило к ее глазам. А выкройка скопирована из какого-то французского журнала, его отец привез из заграницы, куда ездил на очередную конференцию. У мачехи была нестандартная фигура — так она ее называла.

А домработница, дородная Тома, однажды фыркнула:

— Ни жопы, ни сисек, на что только академик запал?

— Ни жопы, ни сисек, — повторял он. Фраза была для него абстрактной, но от нее веяло такой неприязнью, что он мгновенно проникся симпатией к Томе и твердил это, как мантру, еще месяц.

На самом же деле Томка просто завидовала. У молодой жены академика было много чего, на что мог запасть мужчина: тяжелые волосы цвета старого золота и широко распахнутые в восторженном удивлении (а уж восторг ей в последнее время муж обеспечивал с лихвой) серо-зеленые глаза. Когда мачеха смеялась, она обнажала белые ровные зубы и бралась тонкой кистью с бледно-розовым маникюром за горло, будто пытаясь задержать смех там, где он рождался — в самой глубине. А когда слушала собеседника, преимущественно мужского полу, рука ее прижималась к нежной коже на декольте, и это нежное на нежном было очень красиво. Но мальчик не